Chraniewicz М-чъ и Каролина Янишъ.

МИЦКЕВИЧЪ И КАРОЛИНА ЯНИШЪ.

ИЗНЬ ВЕЛИЧАЙШАГО изъ польскихъ поэтовъ давно уже занимаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ излюбленныхъ темъ, изслѣдованію которыхъ особенно охотно посвящаютъ свои силы современные польскіе историки и публицисты. И это вполнѣ естественно. Міровое значеніе поэзіи Мицкевича является теперь болѣе или менѣе общепризнаннымъ, такъ какъ тотъ умственный капиталъ, который оставилъ послѣ себя поэтъ, сталъ не только національнымъ, польскимъ, но и общечеловѣческимъ достояніемъ. Вслѣдствіе этого, имя Мицкевича сдѣлалось для поляковъ тѣмъ дорогимъ знаменемъ, въ которомъ опора ихъ національной гордости; творчество Мицкевича даетъ полякамъ право причислять себя къ семьѣ тѣхъ высоко-одаренныхъ народовъ, которые ведутъ между собою сношенія въ сферѣ духовныхъ интересовъ на началахъ равноправности, на почвѣ свободнаго взаимнаго обмѣна, не ограничиваясь простымъ заимствованіемъ.

Кромѣ этой общей причины, и самая жизнь Мицкевича сложилась такъ незаурядно, что даетъ богатый матеріалъ даже для простаго пересказа внѣшнихъ, чисто-фактическихъ подробностей. Вильна, Одесса, Москва, Петербургъ, Парижъ, даже Римъ—всѣ эти крупные центры попеременно служили ареной дѣятельности поэта, и уже этотъ голый перечень даетъ приблизительное понятіе, на какой прихотливой канвѣ приходится вырисовывать узоръ внѣшнихъ перемѣнъ въ судьбѣ

Мицкевича. Вообще, по самому характеру своему, жизнь Мицкевича, какъ богатая фактическими подробностями, навѣрное, долго еще будетъ служить той неистощимой темой, въ области которой всегда найдется возможность—или внести болѣе или менѣе существенную поправку, или же при помощи новой догадки освѣтить ту или другую случайность въ судьбѣ поэта, если объ этой случайности (какъ это нерѣдко бываетъ) документальные источники даютъ лишь слабый намекъ. Нечего и говорить, что въ настоящее время жизнь Мицкевича, хотя достаточно извѣстная въ общихъ чертахъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ имѣетъ немало невыясненныхъ сторонъ, и въ польской исторической литературѣ мы то и дѣло встрѣчаемъ новыя изслѣдованія и небольшіе очерки, посвященные обработкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, часто проливающіе новый свѣтъ на личность поэта въ разныхъ фазисахъ его развитія и выясняющіе довольно важныя событія его жизни, которыя доселѣ были малоизвѣстны.

Краковскій профессоръ Іосифъ Третьякъ, издавшій въ 1884 г. свое трехъ-томное изслѣдованіе о юношескихъ годахъ жизни поэта («Mickiewicz w Wilnie i Kownie. Zycie i poezya. Lwów), въ своей недавно вышедшей книгѣ («Szkice literackie», serya I, Krak., 1896) удѣлилъ немало мѣста очеркамъ изъ послѣдующаго періода жизни поэта. Изъ этихъ (въ общемъ—надобно сказать—мастерски написанныхъ) очерковъ для русскихъ читателей можетъ представить несомнѣнный интересъ разсказъ г. Третьяка объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ московскому періоду жизни поэта. Рѣчь идетъ о взаимной привязанности двухъ поэтическихъ натуръ (Мицкевича и Каролины Янишъ),—привязанности, къ сожалѣнію, быстро увядшей, не достигнувшей полнаго расцвѣта и имѣвшей грустный конецъ.

Эпизодъ этотъ въ жизни Мицкевича прошелъ, правда, довольно мимолетнымъ лучемъ, на короткое лишь время озарившимъ и скрашивавшимъ нерадостную въ то время жизнь поэта; но для насъ онъ имѣетъ немалый интересъ и со стороны того женскаго образа, который наполнялъ въ то время мечты поэта. Каролина Карловна Янишъ, впослѣдствіи Павлова—талантливая писательница, пользовавшаяся громкой извѣстностью и давшая литературѣ, кромѣ множества оригинальныхъ произведеній, очень хорошіе переводы Пушкина, Вяземскаго, Баратынскаго и Языкова на французскій и нѣмецкій языки. Такимъ образомъ, настоящій эпизодъ представляетъ собою сравнительно рѣдкій случай, когда въ «союзѣ любви» обѣ стороны занимали относительно равноправное положеніе по своимъ вкусамъ и интеллектуальному уровню.

Доселѣ эпизодъ этотъ былъ извѣстенъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, лучше сказать—въ одной лишь существенной чертѣ, что Каролина Янишъ во время жизни Мицкевича въ Москвѣ останавливала на себѣ вниманіе поэта. Въ біографіяхъ Мицкевича очень мимолетно упоминалось, что онъ былъ близко знакомъ съ семей-

ствомъ Янишъ, питалъ къ нему дружескія чувства, причемъ памятникомъ особеннаго вниманія, оказываемаго Королинѣ, осталось посвященное ей поэтомъ стихотвореніе, а Янишъ нарисовала портретъ поэта. Г. Третьякъ разсказываетъ эту исторію съ большими подробностями и не такъ сухо.

Поселившись (не совсѣмъ добровольно) съ 1825 г. въ Москвѣ, Мицкевичъ радушно былъ принятъ въ московскомъ интеллигентномъ обществѣ. Кромѣ чисто литературныхъ сферъ, въ которыхъ Мицкевичъ былъ своимъ человѣкомъ, предъ нимъ гостепріимно открыты были двери нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, и тогдашнее московское общество, интересовавшееся польской литературой, съ дружелюбнымъ вниманіемъ отнеслось къ поэту, за которымъ уже прочно утвердилась репутація первокласснаго таланта. Бывая въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской, Мицкевичъ между прочимъ познакомился здѣсь съ Каролиной Карловной Янишъ, дочерью московскаго профессора-нѣмца, значительно обрусѣвшаго. Молодая дѣвушка (ей въ то время было 19 лѣтъ), въ полномъ расцвѣтѣ рѣдкой красоты, хорошо образованная и уже тогда не чуждая артистическихъ и поэтическихъ наклонностей (она недурно рисовала и писала стихи),—Янишъ замѣтно выдѣлялась среди сверстницъ и невольно привлекла вниманіе мечтательнаго поэта. На самое Янишъ уже первая встрѣча произвела столь неотразимое впечатлѣніе, что у ней зародилось обычное въ такихъ случаяхъ желаніе — почаще видѣть возлѣ себя любимаго человѣка, и для этого она прибѣгла къ невинной хитрости — настояла, чтобы для нея пригласили учителя польскаго языка. Нечего и говорить, что въ выборѣ такого учителя особыхъ колебаній не могло быть (вспомнимъ, что тогда хотѣли создать каѳедру польскаго языка въ Московскомъ университетѣ для Мицкевича), и вскорѣ эти уроки привели къ тому результату, котораго такъ нетерпѣливо ждала Янишъ, и который собственно и былъ главною цѣлью ея затѣи. Взаимное сближеніе, живой обмѣнъ мыслей, выяснившееся сходство симпатій и вкусовъ вскорѣ привели къ тому, что Мицкевичъ не только объяснился въ любви предъ своей ученицей, но и предложилъ ей руку и сердце. Конечно, предложеніе было принято съ живѣйшей радостью, но всѣ планы и мечты молодыхъ людей были безжалостно разбиты постороннимъ вмѣшательствомъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и со стороны самого Мицкевича это предложеніе, какъ можно догадываться по дальнѣйшему ходу исторіи, было только мимолетнымъ порывомъ, а не строгообдуманнымъ шагомъ; Мицкевичъ первымъ забилъ отбой, схватился за случайное и едва ли непреодолимое препятствіе, чтобы считать себя свободнымъ отъ даннаго слова. Дѣло въ томъ, что Янишъ имѣла въ числѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ одного, какъ видно, человѣка съ высоко-развитой аристократической тенденціей; этотъ послѣдній, не взирая на согласіе родителей Янишъ, наотрѣзъ вос-

противился предполагавшемуся браку и рѣшительно заявилъ, что онъ лишитъ Каролину всякаго имущественнаго обезпеченія (этотъ родственникъ почему-то распоряжался всѣмъ имѣніемъ фамиліи), если она выйдетъ за бѣднаго и незнатнаго литвина. И воля этого дядюшки оказалась роковой: бракъ разстроился. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сыну поэта, Владиславу Мицкевичу, Янишъ старается снять съ Адама Мицкевича всякую вину, говоря, что, если бы она пошла наперекоръ дядюшкѣ, то «осудила бы его (Мицкевича) на жизнь въ тяжелой нуждѣ и лишеніяхъ», и потому она предпочла поступить, «какъ подсказывало ей чувство долга», но не нужно забывать, что это письмо относится къ самому недавнему времени (1890 г.); есть всѣ основанія предполагать, что въ свое время Янишъ не остановилась бы предъ этимъ препятствіемъ, если бы не замѣчала нѣкотораго охлажденія къ себѣ со стороны поэта. Такое же предположеніе дѣлаетъ и г. Третьякъ, замѣчая, что это затрудненіе было какъ разъ на-руку Мицкевичу, такъ какъ чувство его къ Янишъ было не особенно глубокимъ и очень быстро остыло.

Въ концѣ 1827 г. Мицкевичъ былъ переведенъ въ Петербургъ: поѣздка эта въ значительной мѣрѣ ослабила дружескія связи поэта съ Москвой вообще и съ семьей Янишъ въ частности. Единственное письмо, которымъ Мицкевичъ обмѣнялся съ отцомъ Янишъ, было отвѣтнымъ на запросъ послѣдняго и, кромѣ того, носитъ характеръ нѣсколько холодный и какъ бы офиціальный. Поэтъ извиняется за свое долгое молчаніе, дѣлая обычную въ такихъ случаяхъ ссылку на хлопоты и недостатокъ времени, нѣсколько строкъ удѣляетъ церемоннымъ похваламъ по адресу Каролины, дивясь ея быстрымъ успѣхамъ въ польскомъ языкѣ.

Въ 1828 г. Мицкевичъ снова пріѣхалъ въ Москву, но пребываніе его здѣсь было слишкомъ кратковременнымъ. Во всякомъ случаѣ этотъ короткій визитъ не имѣлъ особеннаго значенія на ходъ излагаемой исторіи, отношенія между Каролиной и Мицкевичемъ попрежнему остались неопредѣленными и невыясненными. Въ апрѣлѣ того же года Мицкевичъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ мотивовъ этой поѣздки не послѣднюю роль играло желаніе поэта отдалиться отъ Янишъ, покончить счеты съ мимолетнымъ увлеченіемъ, хотя въ то же время поэтъ не отнималъ у Янишъ надежды на возможность закрѣпить слабѣющую взаимную привязанность узами гименея. Съ другой стороны поэтъ не желалъ оставаться въ Москвѣ и потому, что имѣлъ надежду при помощи петербургскихъ связей устроить для себя болѣе прочное положеніе. Хотя спокойная и безмятежная московская жизнь имѣла много привлекательныхъ сторонъ, но на порогѣ возмужалости (Мицкевичу было уже до 30 лѣтъ) человѣку вполнѣ естественно задаться вопросомъ о своемъ будущемъ, и въ этомъ отношеніи Петербургъ открывалъ болѣе широкія и болѣе заманчивыя перспек-

тивы, чѣмъ Москва. Во всякомъ случаѣ можно считать несомнѣннымъ, что въ это именно время поэтъ рѣшилъ окончательно порвать съ Янишъ, и представляется лишь не вполнѣ яснымъ, почему онъ оставилъ лучъ слабой надежды у бѣдной, мучимой сомнѣніями дѣвушки, не открывъ ей напрямикъ своего рѣшенія. По крайней мѣрѣ дальнѣйшая переписка показываетъ, что Каролина не переставала надѣяться на счастливый исходъ дѣла.

Прошло десять мѣсяцевъ со времени отъѣзда Мицкевича въ Петербургъ. Поэтъ не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей въ Москву. Все время разлуки Янишъ жила одной только мыслью о любимомъ человѣкѣ; наконецъ, будучи не въ силахъ дальше выносить этой тревоги и неопредѣленности, она пишетъ 19 февраля 1829 г. Мицкевичу письмо, въ которомъ убѣдительно проситъ его хоть на короткое время пріѣхать въ Мосву, трогательно мотивируя свою просьбу такъ: «Я не могу дальше выносить столь продолжительной неизвѣстности, этого томительнаго ожиданія, этой вѣчной тревоги. Надобно, чтобы ты такъ или иначе рѣшилъ мою судьбу. Я была бы спокойнѣе, если бы знала, что мнѣ нечего больше терять. Десять мѣсяцевъ прошло со времени твоего отъѣзда; я много думала за эти десять мѣсяцевъ твоего отсутствія. Я убѣдилась, что но могу жить безъ думы о тебѣ, убѣдилась, что моя жизнь всегда будетъ только цѣпью воспоминаній о тебѣ, Мицкевичъ! Что бы ни случилось, душа моя принадлежитъ тебѣ одному. Если же мнѣ суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я снесу безропотно». Между прочимъ Янишъ извѣщала поэта, что есть довольно твердая надежда побороть самое трудное препятствіе къ браку—именно, упорство дядюшки, теперь смягчившагося. Для насъ цѣль этого письма во всякомъ случаѣ ясна: Янишъ дѣлала послѣднюю попытку возвратить уплывавшее отъ нея счастье—снова привлечь любимаго человѣка.

Мицкевича письмо это поставило въ очень затруднительное положеніе. Въ мечтахъ поэта въ ту пору во всякомъ случаѣ не Янишъ занимала преобладающее мѣсто. Всецѣло занятый мыслью о поѣздкѣ на Западъ, онъ всего менѣе расположенъ былъ мечтать о спокойной, чуждой треволненій супружеской жизни. Съ другой стороны письмо Янишъ напомнило ему о данномъ когда-то словѣ, хотя, быть можетъ, сорвавшемся съ устъ невольно, въ минуту очарованія, но все же налагавшемъ извѣстныя обязанности. Болѣе благородныя побужденія осилили нерѣшительность, и хотя время года не особенно благопріятствовало далекой и по тѣмъ временамъ крайне утомительной поѣздкѣ, Мицкевичъ однако немедленно поспѣшилъ въ Москву на зовъ Каролины.

Намъ неизвѣстно, въ какую форму облекъ Мицкевичъ свой отказъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Каролиной по прибытіи въ Москву, но изъ послѣдующаго письма ея къ поэту можно сдѣлать выводъ,

что Мицкевичъ открылъ свои карты и, чтобы смягчить горечь рѣшительнаго отказа, предложилъ Янишъ вмѣсто супружества идеальную дружбу. Еще до выѣзда изъ Москвы Мицкевичъ получилъ отъ Каролины письмо, которое г. Третьякъ характерно называетъ «нравственнымъ паспортомъ для поэта на выѣздъ за границу». Въ этомъ письмѣ трогательно вылилось чистое чувство молодой женской души, и потому считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторые отрывки (по тону письма видно, что оно написано вслѣдъ за послѣднимъ личнымъ объясненіемъ): «Привѣтъ тебѣ, мой милый! Еще разъ благодарю за все, за твою дружбу, за твою любовь. Я дала клятву, что постараюсь быть достойной этой любви, никогда не подумай, чтобы я могла нарушить эту клятву — такова единственная моя къ тебѣ просьба. Если я буду увѣрена, что ты никогда не измѣнишь своего мнѣнія обо мнѣ, то я всегда буду спокойна, довольна и счастлива; я счастлива и теперь, разставаясь съ тобой, быть можетъ, на вѣки; и хотя бы намъ никогда уже не суждено было свидѣться, я всегда буду убѣждена, что все—къ лучшему для насъ обоихъ, ибо такова воля Божія. Что бы ни случилось въ будущемъ, жизнь для меня будетъ пріятной: я часто буду искать въ глубинѣ своего сердца драгоцѣнныхъ воспоминаній о тебѣ, съ радостью буду перебирать ихъ, потому что всѣ они для меня—алмазъ чистой воды. Прощай, мой другъ! Тяжело мнѣ кончить письмо съ мыслью, что, быть можетъ, никогда не придется и словомъ перекинуться съ тобой... Но такъ быть должно — прощай, мой другъ! — все же я знаю, что ты меня любишь». Письмо это написано 5 апрѣля 1829 г., а 6 апрѣля Мицкевичемъ написано въ альбомъ Каролины посвященное ей стихотвореніе, которое является поэтическимъ отвѣтомъ на изліянія тосковавшей Янишъ. Даже и здѣсь Мицкевичъ оставляетъ какую-то блѣдную, едва-уловимую тѣнь надежды, брошенную (по словамъ г. Третьяка) для успокоенія сердца, которое крѣпилось, но не могло не страдать. Поэтъ сравниваетъ себя съ перелетной птицей и проситъ Каролину — каждый разъ, когда ей придется услышать печальные крики перелетныхъ птицъ—вспомнить скитальца и быть увѣренной, что онъ при первой искрѣ надежды опять прилетитъ къ ней—на сѣверъ.

Чрезъ нѣсколько дней «перелетная птица» улетѣла въ западные края. Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ не имѣлъ о Янишъ свѣдѣній и только разъ поинтересовался у одного изъ своихъ друзей узнать, что съ ней сталось. Печальное предчувствіе Каролины сбылось: имъ не пришлось больше свидѣться.

Восемь лѣтъ спустя послѣ разлуки съ Мицкевичемъ, Янишъ вышла замужъ за извѣстнаго писателя Н. Ф. Павлова. Супружество это не принадлежало къ числу счастливыхъ и удачныхъ.... Въ 1855 г. Янишъ-Павлова оставила Россію и поселилась въ Дрезденѣ. Крашевскій, посѣтившій ее въ 1874 г., писалъ, что она живо со-

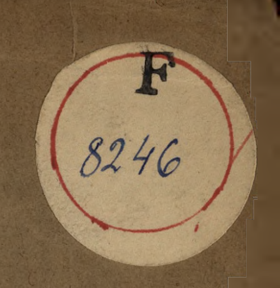
хранила воспоминанія прошлаго. И дѣйствительно, съ какою поразительною яркостью сохранилось въ душѣ Павловой прежнее чувство къ великому поэту, съ 1855 г. заснувшему уже вѣчнымъ сномъ, можно видѣть изъ письма ея къ Владиславу Мицкевичу (сыну Адама) въ 1890 году. Павлова писала: «Воспоминаніе объ этой любви и доселѣ является счастьемъ для меня. Время—вмѣсто того, чтобы ослабить—лишь укрѣпило мою любовь. Съ благодарностью вспоминаю о томъ благословенномъ днѣ, когда онъ спросилъ меня, желаю ли я быть его женой. Онъ всегда стоитъ предо мной какъ бы живой. Для меня онъ не пересталъ жить. Я люблю его теперь, не переставала любить его все время. Онъ мой, какъ былъ моимъ когда-то».

Если взять во вниманіе, что непосредственныя личныя отношенія, положившія начало этой любви, были очень непродолжительны, если вспомнить, что они имѣли печальный исходъ, то эта живучесть и поразительная свѣжесть чувства является поистинѣ изумительной и въ возвышенномъ свѣтѣ рисуетъ намъ поэтическую личность Каролины Павловой, не оцѣненную по достоинству польскимъ поэтомъ.

К. К. Павлова скончалась въ Дрезденѣ въ 1894 г.

Константинъ Храневичъ.

F
8246